

С. М. ТОЛСТАЯ
(Москва)

МНОГОЗНАЧНОСТЬ И СИНОНИМИЯ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Автор указывает на тот факт, что все направления современной семантики в большинстве случаев исходят из семантических отношений в пределах одной системы, одного языка. Однако этимологический словарь славянских языков свидетельствует о том, что праславянские слова в родственных языках во многих случаях имеют сходные семантические свойства. Это значит, что в данном случае нельзя пренебрегать диахроническим фактором. Общеславянская перспектива и праславянская ретроспектива меняют содержание ключевых понятий лексической семантики в сфере синонимии, полисемии, омонимии, антонимии, что позволяет обнаружить во многих случаях новые семантические отношения и семантические модели. Автор настаивает на различении понятий *слово* и *лексема*. В данной работе анализируются темы о взаимоотношении многозначности и словообразования, о категории времени — биологического, исторического, утилитарного, о семантическом параллелизме как некой комбинации многозначности и синонимии, о семантике каритивности /недостачи, отсутствия, нехватки чего-нибудь/. Анализ названных категорий базируется как на материале современных славянских языков, так и их диалектов, в плане синхронии и диахронии.

Ключевые слова: многозначность, синонимия, слово, лексема, словообразование, биологическое время, историческое время, утилитарное время, семантический параллелизм, каритивность.

Разные направления лексической семантики: московская семантическая школа (Ю. Д. Апресян), логический анализ языка (Н. Д. Арутюнова), компонентный анализ, концептуальный анализ, когнитивная семантика (теория прототипов), семантические примитивы А. Вежбицкой и др., — все эти направления современной семантики в абсолютном большинстве случаев исходят из семантических отношений в пределах одной системы, **одного языка**. Казалось бы, этого требует принцип системности: именно в системе (одного) языка слова связаны парадигматическими отношениями, и в другой системе (другого языка) этимологически тождественное слово будет вступать

в другие отношения с другими словами. Между тем если мы обратимся, например, к этимологическому словарю славянских языков, то легко убедимся, что праславянские слова в родственных языках во многих случаях имеют сходные семантические свойства: набор значений, сочетаемость и т.п. Это значит, что сочетаемость значений в пределах многозначного слова определяется не только системными отношениями данного слова к другим словам в данном, конкретном языке, но и некоторым семантическим потенциалом, заложенным уже в праславянском слове. То же самое можно сказать о характерном для структурализма **противопоставлении синхронии и диахронии**, которое в работах современных исследователей постепенно снимается. Хорошо известно, что семантические отношения, наблюдаемые в современном языке, могут соответствовать логике исторического развития значений слова.

Снятие языковых (по крайней мере в пределах родственных языков) и временных ограничений дает лексической семантике славянских языков общеславянскую перспективу и праславянскую ретроспективу, а это в свою очередь меняет содержание ключевых понятий лексической семантики, таких как синонимия, полисемия, омонимия, антонимия, и позволяет обнаружить некоторые новые регулярные семантические отношения и семантические модели.

Современная семантическая теория коренным образом изменила также принятое представление о единицах лексической системы языка, которые являются носителями отношений (свойств) синонимии, полисемии, антонимии, омонимии, конверсивности и т.д. Традиционно носителем этих свойств и отношений считалось **слово**. Работы московской семантической школы, возглавляемой Ю. Д. Апресяном, убедительно показали, что при изучении синонимических отношений в языке исходной единицей должно быть не слово в целом, а единица **«меньшая, чем слово»** — слово в одном из его значений, называемое в этой семантической концепции **лексемой**. Именно лексемы, а не слова составляют синонимический ряд, а многозначное слово входит во столько синонимических рядов, сколько разных значений оно имеет. То же самое можно сказать и об антонимии: антонимические отношения связывают не слова, а лексемы, и многозначное слово для каждой своей лексемы может иметь свой антоним. Лексемы в таком понимании должны быть признаны полноправной двусторонней единицей языка, т.е. единицей, имеющей и форму, и содержание, и собственные парадигматические отношения и связи. Соответственно, компоненты многозначного слова должны трактоваться не как чисто смысловые, односторонние единицы, как это было принято

в традиционной семасиологии, а как двусторонние (лексико-семантические) единицы. На это указывают, в частности, нередкие грамматические различия, характерные для слова в разных значениях, например, *старый* в одних значениях может иметь краткую форму или сравнит, степень, а в других нет (ср. *старая женщина* и *старый вариант статьи*); такие грамматические особенности в словарях часто указываются при отдельных значениях многозначного слова (типа *только мн.* или *только ед.*, *только полная ф.* и т.п.). На это же указывает и разная сочетаемость, идиоматика, деривация и т.д. слова в разных его значениях, разные парадигматические связи в лексике (разные у разных значений синонимы, антонимы, конверсивы и т.д.). Следовательно, многозначное слово, подобно синонимическому ряду, представляет собой набор (совокупность) двусторонних единиц — лексем.

Это, конечно, не означает, что слово как единица языка перестает быть реальностью и объектом семантического анализа. Но это будет единица более высокого ранга, чем лексема (хотя конкретная моносемичная лексема может иметь статус слова, подобно тому, как отдельное слово может иметь статус предложения). Если нас интересует полисемия (лексическая многозначность), то, естественно, мы будем иметь дело именно со словом в целом, в единстве всех его значений, и задача будет состоять в том, чтобы эксплицировать систему отношений между разными значениями многозначного слова (между разными лексемами в смысле Апресяна). Однако уровень слова оказывается недостаточным для изучения многозначности. По существу единицей многозначности является даже не слово как целое, а единица **«большая, чем слово»**, потому что выделяемые в многозначном слове разные значения представлены не только в данном слове (как единице лексической системы), но и в других словах, связанных с ним актуальными словообразовательными отношениями. Иначе говоря, «субъектом» многозначности, носителем свойства многозначности и одновременно пространством, на котором проявляет себя это свойство, оказывается лексико-словообразовательное гнездо, разные члены которого манифестируют разные значения ключевой лексемы, доминанты гнезда (мотивирующего для всех членов гнезда слова) или, при отсутствии такой лексической доминанты, — разные значения главной лексической «морфемы»¹. Иначе говоря,

¹ Если же говорить не о конкретных (лексических, словарных) значениях, а о значениях более абстрактных, категориальных, то носителем многозначности (которая в этом случае называется регулярной многозначностью) оказываются уже

проблема многозначности — это не собственно лексическая или семантическая проблема, она тесно связана со словообразованием.

1. Многозначность и словообразование. В «Лексической семантике» Ю. Д. Апресяна (1974) обсуждаются отношения между лексической многозначностью и словообразованием с функциональной стороны и демонстрируется содержательное тождество отношений между отдельными значениями многозначного слова, с одной стороны, и разными дериватами одного словообразовательного гнезда, с другой: *издание* в процессуальном значении (*издание книги*) и *издание* в значении продукта действия (*иллюстрированное издание*) соотносятся между собой так же, как, скажем, *чертить* и *чертеж*, *рисовать* и *рисунок*; отношение между *помещение 1* и *помещение 2* аналогично отношению между *купание* и *купальня* и т.д. Аналогия подкрепляется и регулярностью обеих деривационных моделей.

Но есть и другая сторона связи многозначности и словообразования, а именно отношения между набором и структурой значений многозначного слова и набором и структурой значений целого словообразовательного гнезда, в которое входит это многозначное слово, и в частности и прежде всего — значений его непосредственных дериватов. Каков механизм наследования значений при словообразовательной деривации на основе многозначного слова? Может ли сохраняться многозначность, свойственная производящему слову, в его дериватах и в какой степени, в каких условиях, с какими ограничениями?

Подобно тому, как субъектом синонимических отношений и единицей синонимических рядов является не слово в целом, а слово в одном из его значений (лексема в смысле Ю. Д. Апресяна), — в словообразовании (вопреки внутренней форме термина) объектом и единицей является также не слово в целом, а слово в одном из его значений, т.е. тоже лексема.

Хорошо известно, что «лексемы» многозначного слова отличаются друг от друга, помимо прочего, своей деривационной способностью (числом и типами производных). Достаточно вспомнить хрестоматийный пример со словом *земля*, разные «лексемы» которого порождают в рамках одной деривационной модели разные производные: *земной*, *земляной*, *землистый*, *земельный*, *земский*.

целые **классы слов** независимо от их этимологических и словообразовательных связей (например, значения действия и его результата, продукта: *издание книги* и *иллюстрированное издание*; эти классы описаны уже в «Лексической семантике» Апресяна — Апресян 1974).

Даже в случае так наз. модификационной деривации, например, образования уменьшительных форм от имен, деривации, отличающейся сверх-регулярностью, уменьшительные формы возможны от одних лексем (значений) многозначного слова и невозможны от других: скажем, от прилагательного *старый*, о котором я дальше буду говорить подробнее, дериват *старенький* возможен только от части значений (*старенький дедушка, старенькое пианино, старенькое пальто*, но не **старенький город* или **старенькое издание*; с трудом можно допустить *старенький дом, старенькая яблоня*; еще меньше возможностей у прилагательного *новый*: *новенькими* могут быть только вещи, артефакты; невозможно **новенькие знакомые* или **новенький метод, *новенькая редакция книги, *новенькая история* (при нормальном *что новенького? что-то новенькое*).

Обратимся к более подробному рассмотрению многозначного прилагательного *старый* и словообразовательного гнезда с доминантой *старый* (состоящего в данном случае из прямых или косвенных дериватов самой доминанты). Нас будет интересовать набор значений слова *старый* (или, точнее, набор лексем многозначного слова *старый*) и «продолжение» (или не продолжение) этих значений в производных от этого слова и во вторичных дериватах (т.е. в производных от производных).

Большой академический словарь русского языка (БАС), т. 14: 775–780 выделяет у прилагательного *старый* 10 значений:

1. Проживший много лет, достигший старости (противопол. *молодой*)

2. Давно созданный, существующий долгое время (противопол. *новый*): старые песни, старые города

3. Долго бывший в употреблении, пользовании; поношенный, подержанный (противопол. *новый*): старая сеть, старый мундир

Утративший свои качества; ставший несвежим от длительного хранения: старое масло Негодный, недействительный по прошествии определенного срока или по использовании: старый билет, старые марки

4. Только в полной форме. Давно прошедший, минувший; прежний: вельможа старого века; старые годы

5. Только в полной форме. Такой, который был в прежнее время, существовавший тогда: наши старые писатели, старая Англия

Характерный для прежнего времени, свойственный ему: человек старого закала Устарелый, несвоевременный: старый фасон

6. Только в полной форме. Сохранившийся от прежних, давних времен; старинный: старый хрусталь, старая бронза

Ведущий свое начало, происхождение из далекого прошлого, из старины: старый дворянский род

7. Только в полной форме. Такой, который был раньше, предшествующий теперешнему: старое русло реки, старая редакция текста, старая вера

8. Старое в знач. сущ.: старое теснит новое

9. Только в полной форме. Относящийся к прежнему, отжившему строю, строю, режиму, свойственный ему: старый строй, старый флот

10. Связ. со старым календарем, стилем: Старый Новый год.

Как легко видеть, все выделенные значения так или иначе связаны с **категорией времени**. Эта категория принимает в семантическом спектре *старого* три главных значения, которые условно можно назвать биологическим временем, историческим временем и, так сказать, утилитарным временем (связанным со сроком действия и существования носителя признака). **Биологическое** время релевантно, естественно, для живых существ, т.е. людей, животных и растений, тех, кто в своем существовании проходит стадии молодости, созревания, старения и умирания: применительно ко всем денотатам этих классов *старый* означает «пребывающий в последней стадии своего существования» (*старая женщина, старая лошадь, старая яблоня, старый лес*). Однако эти три денотативные области (человек, животное, растение) не полностью совпадают с интересующей нас точки зрения. Общим для всех трех категорий денотатов является антоним *молодой* при различиях в синонимических рядах: так, синонимы *пожилой, преклонных лет* могут относиться только к человеку, но не к животному или растению; *старенький*, как уже говорилось, применимо к человеку и животному, но с трудом к растению, *старообразный, старит* можно сказать только о человеке, так же только о человеке, но не о животном или растении, можно сказать *старец, старик, старуха*, вероятно, и *престарелый*; *староватым* (для чего-н) может быть (в полной и краткой форме) человек и животное, но, вероятно, не растение; то же можно сказать о глаголах *постареть* и *состариться* (вряд ли возможно о растении). И т.д. Общим свойством для всех лексем биологического времени можно считать их сочетаемость с показателями интенсивности (*очень старый*) и отрицанием (*нестарый*), что объединяет их с лексемами утилитарного типа (*очень старый портфель*) и отличает от некоторых

типов значений исторического времени (**очень старый режим, *очень старое русло реки*).

Категория **исторического времени** объединяет три разных значения; их противопоставляет предыдущей категории биологического времени отсутствие идеи роста и развития, идеи фазовости. *Старый* в этом случае соотносится с абсолютным линейным временем и его течением и укладывается в пространство прошлого; при этом *старое* может продолжаться в настоящем, а может завершиться к настоящему времени и быть заменено *новым*. 1) «функциональное» значение, синонимичное прилагательным *прежний, бывший, прошлый* (предшествующий теперешнему): старый директор, старое название, старое русло, старая редакция романа, старая вера, старый режим, старое время, старая квартира, старый компьютер. По отношению к *старый* в биологическом значении возраста эта лексема практически омонимична. Ср.: *Старый учитель был совсем молодой, а новый пожилкой*.

Старый в этом значении (прежнее перестало функционировать и заменено на новое) в литературном языке вообще не имеет дериватов, за исключением специального термина *старица* (старое русло). Не возможна в этом случае и краткая форма.

2) второе значение синонимично прилагательному *давний* и означает «давно существующий (возникший, созданный)»: старый город, старый анекдот, старое название, старый знакомый, старая мебель, старое правило, старый род; ант. не только *новый*, но и *недавний* (иногда *молодой*: ср. *молодой город* — город, который недавно вырос). Это значение также обладает очень слабым деривационным потенциалом: *старинный* [очень старый, старше].

3) третье значение исторического типа отличается от предыдущего тем, что относящиеся к прошлому реалии, события и т.п. в настоящем уже не присутствуют; син. *древний, былой, прошедший, существовавший* в давние времена: старые годы, старое искусство, старые мастера [очень старый] старинный, старое, старина, встарь, исстари, старовер, старожилый, старомодный, старозаветный, стародавний, старопечатный, по-старому Все эти три значения исторического времени совмещает в себе и общий антоним *новый*.

Кроме биологического и исторического времени в семантике *старого* представлено значение «**утилитарного**» времени, определяемого сроком существования или действия (функционирования) определяемого объекта. *Старыми* называются завершившие свой срок, исчерпавшие свой ресурс, ветхие, негодные предметы (артефакты): старые ботинки, старый дом, старый фасон. *Старый* в этом

значении допускает интенсификацию (очень старый), имеет уменьшительную форму (*старенький*), обладает специфическими дериватами, такими как: *старье, устареть, устарелый, застарелый, старомодный*. Перечисленные значения охватывают большую часть реальных употреблений прилагательного *старый* (т.е. каждое конкретное выражение может быть отнесено к одному из значений биологического, исторического или утилитарного времени), но, конечно, есть какие-то маргинальные случаи, которые трудно уверенно интерпретировать. Например, значение «тот же, что и прежде» в выражениях типа: «У вас не изменился адрес?» — «Нет, у меня старый адрес» или «У него новая жена?» — «нет, у него старая жена» (это, пожалуй, и не биологическое, и не историческое, и не утилитарное значение; ближе всего оно к историческому функциональному типу *старый директор*).

Нередко атрибутивное выражение может иметь одновременно несколько значений: *старый директор* (биологическое и историческое значение), *старая квартира* (ветхая, давно существующая, прежняя, предшествовавшая новой), *старая книга* (возможны разные исторические значения).

Таким образом, каждая «лексема» многозначного слова имеет свой набор показателей, отличающий ее от других лексем этого слова. Вес этих разных показателей неодинаков; самыми сильными различителями оказываются антонимы и синонимы, а также дериваты (их наборы индивидуальны для каждой лексемы), а каждый отдельный дериват маркирует какую-то одну или несколько лексем. Так, *старенький*: это только биологическое значение, а денотативная область — человек или животное (но скорее всего не растение) и утилитарное значение, а денотативная область — вещи, артефакты; «исторические» лексемы такого деривата иметь не могут. Глаголы *стареть, постареть* в стандартном случае применимы только к людям и животным, *состариться* — только к людям, а *устареть* может соотноситься только с утилитарным временем и применяться к артефактам и абстрактным сущностям (*устаревшая техника, устаревшие книги, правила, взгляды* и т.п.).

2. Семантический параллелизм. Понятие семантической параллели широко используется в этимологических трудах, в исследованиях по семантической типологии и др. и означает такое совмещение двух значений, которое повторяется в разных словах. Однако есть немало случаев, когда в разных словах совпадают не два значения, а все или почти все значения, т.е. имеет место некая комбинация

многозначности и синонимии. Это совпадение я и называю **семантическим параллелизмом**. Имеется в виду, таким образом, отношение между двумя (или более) единицами праславянского лексикона (а точнее между соответствующими целыми лексическими, или этимологическими гнездами), семантические спектры которых обнаруживают в словаре славянских языков тождественный или почти тождественный **набор значений**, а сами лексемы имеют совпадающий (в большей или меньшей степени) **набор контекстов** (в том числе и клишированных, формульных), в которых они употребляются. При этом каждое из сравниваемых гнезд оказывается представленным в разных (или даже во всех) славянских языках, но с разным распределением (порядком) значений и их неодинаковой иерархией.

Например, глаголы **jьgrati* и **gul'ati*, являющиеся для некоторых славянских ареалов типичными междиалектными синонимами и имеющие «перекрестные» основные значения (ср. рус. диал. *играть* и *гулять* в значении «играть»), обнаруживают несколько семантических сфер, в которых они оказываются эквивалентными: это обозначения архаического вида танца под музыку и пение, игры на музыкальных инструментах (ср. рус. диал. *играть песни* и *гулять песни*), звуковых, световых и прочих природных эффектов (ср. солнце *играет* и *гуляет*, вода *играет* и *гуляет*), в том числе и весьма специальных (ср. вино *играет* или *гуляет*, т.е. бродит, и т.п.); оба глагола употребительны в сфере обозначений сексуального поведения животных и человека (подробнее см. Толстая 2000).

Семантический параллелизм может распространяться и на слова, связанные отношением антонимии. Так, параллельными (хотя и противоположно направленными) оказываются значения слов **prav-* ~ **prem-* и их антонимов **lev-* ~ **kriv-*: обе пары слов развивают в славянских языках наряду с пространственными значениями «прямой», «правый» и «кривой», «левый» значения нормативно-оценочного характера: соответственно «справедливый, правильный, праведный» и «неверный, несправедливый, виновный, греховный» (подробнее см. Толстая 1998; Якушкина 2002). Подобный характер отношений связывает неполные антонимы *находиться* и *терять(ся)*: первое из них кроме основного значения может иметь значение «родить(ся)», второе — значение, связанное со смертью (ср. *потери в войне*, диал. *потеряться* «умереть» и др.). Подробнее см. Толстая 2000 а).

Еще один случай семантического параллелизма представлен праславянскими гнездами **kras-* и **květ-*. Слова обоих гнезд известны всем славянским языкам. В каждом отдельно взятом языке или диалекте они, как правило, не вступают в тесные семантические связи,

хотя определенную степень взаимодействия между ними можно обнаружить (например, в русском литературном языке синонимичными можно считать слова *цвет* и *окрас, окраска*). Лексика обоих гнезд регулярно взаимно используется при толковании: слова с корнем *крас-* толкуются при помощи слов из гнезда *цвет-* и наоборот; это наблюдается во многих словарях славянских языков и диалектов). Последовательное сравнение семантических спектров двух слов позволяет выявить определенный набор основных значений, которые могут выражаться как словами с корнем **kras* (*краса, красный, красить* и т.д.), так и словами с корнем **květ-* (*цвет, цветок, цвести* и т.д.). Подробнее см. Толстая 2003.

3. Семантика каритивности. Имеется в виду семантическая модель, которая носит довольно абстрактный характер и представлена рядом слов, точнее гнезд (прилагательных и их дериватов), общим признаком которых является так наз. **каритивность**, т.е. значение недостачи, отсутствия, нехватки чего-либо (от лат. *caritas* «недостаток, скудость»). Поэтому я условно называю такие слова каритивными, или каритивами. Их многозначность представляет собой результат заполнения каритивного компонента значения разными конкретными элементами, точнее результат замещения исходного каритивного компонента другими. Например, у прилагательного *сухой* исходный компонент недостачи (влаги) замещается в производных значениях другим: *сухой* применительно к человеку означает, так сказать, недостаток плоти (*сухопарый*) или недостаток эмоциональности (*сухой, сухарь*), но далее это может быть недостаток чего угодно (*сухие цифры* «цифры без комментариев», *сухой танец* «танец без сопровождения музыки» и т.д.). То, что это не индивидуальная концептуальная схема многозначного слова, а некоторая семантическая модель, становится ясно, если обратиться к другим прилагательным, которые, как оказалось, также развивают вторичные значения за счет заполнения своих «пустых» клеток разными «наполнителями», относящимися к разным денотативным сферам. Особенностью каритивной семантики можно считать ее жесткую ориентацию на соответствующую «положительную» область значений, т. е. на семантическую структуру слов, обозначающих присутствие тех же самых признаков, атрибутов и свойств, причем семантическое содержание «положительной» лексики, как правило, богаче и структурированней, чем у соответствующих «каритивов».

Примером типичного каритива может служить прилагательное *сухой*, известное всем славянским языкам. В качестве основного и

первого во всех литературных и диалектных словарях слав. языков приводится значение физического свойства сухости, трактуемого от противного — как отсутствие или недостаток влаги. Другие значения считаются вторичными, метонимическими и метафорическими, и имеют иной круг денотатов: это человек (физический и эмоциональный), пища (постная в противоположность скоромной), некоторые абстрактные признаки, такие как «чистый, без примесей», «недостаточный, малый», «пустой, полый» и др.

В разных своих значениях слав. **sux-* вступает в устойчивую (т.е. подтверждаемую материалом всех или нескольких языков) семантическую корреляцию со следующими лексемами (лексическими гнездами): «синонимичными» **xud-*, **post-*, **pust-*, **tʃstʹ*, «антонимичными» **syr-*, **mokr-*, **pʹln-*, **tʃlst-* (корреляции с другими лексемами носят периферийный или окказиональный характер). Перечисленные лексические единицы (гнезда) в совокупности составляют своего рода лексико-семантическое **макрогнездо**, покрывающее определенные денотативные области и использующее для концептуализации и номинации этих областей единый набор семантических признаков (общую концептуальную основу). Подробнее см. Толстая 2004.

Еще одним представителем каритивной модели может служить прилагательное *пресный*, также известное всем славянским языкам. Оно обнаруживает в своем семантическом спектре далеко отстоящие друг от друга и, на первый взгляд, ничем не связанные значения, ср. хотя бы рус. *пресный* «лишенный соли и/или кислоты» (о пище), болг. диал. *прясна булка* «женщина в первый год после замужества» и чеш. *řesný* «точный, пунктуальный». Денотативные области объектов, к которым может относиться это слово, — прежде всего пища, затем древесная растительность, и далее — любой объект (в том числе и человек) в аспекте его «временных» характеристик и вторично — зависящих от срока его существования функциональных свойств (новый, недавний, свежий и т.д.). Каритивный компонент основного, «хлебного» значения слова *пресный*, т.е. семантика недостаточности/отсутствия/лишения (в данном случае отсутствия закваски) становится источником, основой, семантическим импульсом к развитию всех или большинства других (в том числе не пищевых) значений слав. *пресный*. В его семантических дериватах при обязательном сохранении самой семы недостаточности/отсутствия «замещается» сам предмет недостачи/отсутствия: вместо закваски, кислоты может появляться соль (ср. *пресная вода*), минеральные и другие питательные вещества (*пресная земля*), а затем и более абстрактные сущности, в частности и прежде всего время и его единицы (*пресный*

«новый, недавний»), возраст (*пресный* «молодой») и др. «Синонимами» *пресного* в этих разных значениях оказываются такие семантически разнородные прилагательные, как *свежий, зеленый, молодой, тонкий, мягкий, новый, здоровый, жирный, влажный, сырой, сладкий*, а «антонимами» — *кислый, гнилой, соленый, увядший, старый, постный, сухой*. На роль семантической параллели *пресного* может претендовать «синоним» *свежий*, имеющий с ним целый ряд «пересечений», а также до некоторой степени «антоним» *кислый*. Подробнее см. Толстая 2006.

Можно привести еще немало примеров каритивов в праславянской лексике: *глухой, чистый, пустой, кривой, простой* и др. В каждом из них многозначность представляет собой результат действия механизма замещения каритивного компонента (значения недостаточности) разными «наполнителями». Большинство из каритивов обнаруживает тенденцию к взаимодействию друг с другом в разных славянских языках в качестве синонимов в разных контекстах.

Все, о чем говорилось выше, так или иначе связано с темой **многозначности** — многозначности отдельного слова, лексико-словообразовательного гнезда, целых макрогнезд или же с типологией многозначности (каритивность — один из типов многозначности).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва, 1974.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. Москва–Ленинград, 1950–1965.
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва; Вена, 2004. Изд. 2.
- Толстая 1998 — *Толстая С. М.* Культурная семантика слав. **kriv-* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого, Москва 1998. Т. 2. С. 215–229.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Играть и гулять: семантический параллелизм // Этимология. 1997–1999. Москва, 2000. С. 164–171.
- Толстая 2000 а — *Толстая С. М.* Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. Москва, 2000. С. 101–111.
- Толстая 2003 — *Толстая С. М.* Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Москва, 2003. С. 549–563.
- Толстая 2004 — *Толстая С. М.* Семантические корреляты слав. **sux-* // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого (1923–1996). М., 2004. С. 384–400.

- Толстая 2006 — *Толстая С. М.* О семантике каритивности (слав, *presnb* и его парадигматические партнеры) // *Ad fontes verborum*. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж.Ж. Варбог. Москва, 2006.
- Якушкина 2002 — *Якушкина Е. И.* Оппозиции прямой — кривой и прямой — обратный и их культурные коннотации // *Признаковое пространство культуры*. Москва, 2002. С. 163–183.

Резиме

Светлана М. Толстој

ВИШЕЗНАЧНОСТ И СИНОНИМИЈА У ОПШТЕСЛОВЕНСКОЈ ПЕРСПЕКТИВИ

У почетку рада аутор констатује да сви правци савремене семантике полазе преваходно од семантичких односа у оквиру једног система, једног језика. Међутим, етимолошки речник словенских језика показује да прасловенске речи у сродним језицима у многим случајевима имају слична семантичка својства: скуп значења, спојивост и сл. За лексичку семантику сродних, словенских језика релевантна је словенска перспектива и прасловенска ретроспектива, чиме се у многим мења садржај кључних појмова лексичке семантике, што доводи до нових регуларних семантичких односа и семантичких модела. У проучавању синонимских односа полазна јединица не треба да буде реч као целина, већ лексема као јединица мања од речи. Посебна пажња се поклања теми о вишезначности и творби речи, као и о њиховој узајамној повезаности. Категорија времена се разматра са становишта трију временских видова, у које спадају биолошко време, историјско време и утилитарно време. Предмет анализе су и теме о семантичком паралелизму и семантици каритивности (недостатка, мањка, непостојања). Читаво испитивање ове сложене теме засновано је на прасловенској грађи, на грађи савремених словенских језика и њихових дијалеката, а највише, природно, на грађи руског језика и његових дијалеката.